

КОМ

КУЛЬТУРА
ИСКУССТВОМИР
В НЕСКОЛЬКИХ
СТРОКАХ

Почему мы поехали в Америку? Причина очень простая, очень прозаическая по видимости, но очень непростая по внутренней своей сути. Прокатная фирма «Интернэшнл филм иксчейндж» решила закупить для коммерческого показа партию советских фильмов, но предварительно захотела «обкатать» их на публике. В течение двух недель 11 советских лент, среди которых были «Портрет жены художника», «Бешеные деньги», «Взлет», «Карнавал», «Любимая женщина механика Гаврилова», «Телохранилище» и другие, демонстрировались в 14 городах Соединенных Штатов — такого, по общему признанию американской прессы, еще не было. Два года назад в Нью-Йорке в порядке эксперимента был открыт кинотеатр советского фильма, и тут сразу выяснилось, что нужна вдруг сотня копий «Обломова». А потом небывалый успех и присуждение «Оскара» нашей картине «Москва слезам не верит». Как писалось в приложении к «Нью-Йорк таймс», советский фильм победил в этом соревновании знаменитого Трюффо с его картиной «Последнее метро» (а мы знаем, что и не только его). В кинотеатре «Эмбессии» в Нью-Йорке последовательно показывались наиболее интересные советские ленты последних лет.

Но, как видно, такого обмена было мало и нам, и американской стороне. И тогда два руководителя фирмы «Интернэшнл филм иксчейндж» Джон Капштейн и Джерри Рапопорт взяли на себя смелость, хотя и чисто коммерческого толка и наверняка оправдывающую себя, высадить на американскую землю «десант» советских фильмов, очень разных, с разных студий, разных эстетических направлений, разного поколения авторов. Трудно, вероятно, мне будет ответить на вопрос: почему именно эти фильмы, а не другие? Трудно, пот му что выбирались они не нами, а американцами. А западные коммерсанты, как бы доброжелательно они к нам ни относились, всегда стремятся выбирать по принципу «деполитизации», то есть такие ленты, которые им кажутся более или менее камерными, развлекательными. И было бы, наверное, пустой тратой времени доказывать, что вряд ли такое кино существует у нас, что и в таких камерных, казалось бы, картинах, как «Портрет жены художника», «Любимая женщина механика Гаврилова» или «Валентина», так называемая интимная жизнь героев не существует в вакууме, она разворачивается в наших, советских реалиях и не отделена от них.

Американская пресса по кино, которую нам удалось посмотреть после прилета в США, была к нам достаточно лояльна, тем не менее общий тон ее был нам хорошо знаком. Там и сям переплывали мотивы «директивного направления», выпады были в адрес социалистического реализма, от «тесных рамок» которого молодое поколение советской кинорежиссуры якобы «успешно избавляется». При этом замечалась определенная непохожая информированность о советском кино, знание имен режиссеров, актеров, направлений, разбирались самые последние, самые свежие фильмы. Все это, конечно, носило пока, скорее, не рецензионный, а общий, ознакомительный характер. Запомнилась одна деталь в газете Гарвардского университета в рецензии на фильм «Мужики!..», вполне, в общем, положительной, отмечающей «презренного А. Михайлова», хотя и подчеркивающей опять-таки «неполитический», «семейный» характер фильма (а разве это так?..). Но вот всплы-

вает едкая фраза рецензента о том, что русские портные «не могут правильно пришить воротник к костюму актера».

И вместе с тем с подобными язвительными выпадами, повторяю, соседствует серьезная осведомленность о положении дел в нашем кино. Еще и еще раз приводятся удивительные для американцев цифры посещений кинотеатров в нашей стране. Как писалось в тамошних газетах, в среднем около 17 миллионов на фильм, а в случаях таких феноменов, как «Москва слезам не верит», «Экипаж» или «Тегеран-43», эта цифра увеличивается в 4 раза. Отмечают, что в Москве более 140 кинотеатров, что билет стоит меньше одного доллара

советских фильмов, едва-едва проникающих в систему коммерческого проката в США.

В Гарвардском, Колумбийском университетах мы встречались со студентами и преподавателями, изучающими русский язык и литературу, и отчетливо понимали, как велико уважение и интерес американцев к нашей культуре, как велика жажда узнать все о нас — тем сильнее эта жажда, чем выше барьеры. Мне и Валентине Теличкиной даже выпала честь стать почетными гражданами города Балтимора, насколько я понимаю, лишь потому, что в Балтиморе есть школа русского языка, а мы были гостями этой школы. Какое удивительное чувство охватывало меня, ког-

да я читал «Однажды осенью» Горького и видел, ощущал, как меня слушают, как слушают русскую речь, русского автора, как хотят слышать! Как любят и понимают Чехова, Толстого, Достоевского! Вспоминается заявление на одном из диспутов: «Ваши фильмы глубоко эмоциональны, и это меня застало врасплох. Я понял, нам есть о чем поговорить». Я ответил — сожалею, что это было «врасплох», если бы не наши политические разногласия, то, наверное, и не было бы такого «врасплох».

«Советские фильмы — творческие», — писала одна американская газета. Другая вторила ей, что если бы советские художники жили по нормам Голливуда, они бы морально обанкротились. Много вопросов о советском кино, о тенденциях, о положении советских актеров, вопросов иногда наивных, а иногда и чисто провокационных, задавали нам. И порой было очень обидно слышать разную невежественную чепуху о положении дел у нас в стране. Но мы все отчетливо понимали, что здесь не вина, а беда большинства людей, они почти начисто лишены правдивой, обстоятельной информации об СССР. И мы старались в меру наших сил и возможностей рассеять этот туман лжи и недоверия. Так, например, почему-то спросили однажды о правах женщин-режиссеров у нас в кино. Кстати, в нашей программе было два фильма, поставленных женщинами, — «Карнавал» Татьяны Любушиной и «Василий и Василиса» Ирины Попалянской (знают там и Ларису Шепитько). И мы отвечали, что права у женщин в кино совершенно те же, что у мужчин. Есть даже фильмы, поставленные женщинами, которые пользуются успехом и признанием куда большим, чем фильмы, сделанные мужчинами (хотя бы «Семнадцать мгновений весны»), и авторам воздается по заслугам. Для США, в общем, это довольно сложная, болезненная проблема. Нас познакомили с одной женщиной, которая делала большую научную работу о нашей стране. Она проехала ее всю, от Москвы до Хабаровска, оставалась по несколько дней в Чите, Иркутске, Красноярске и была полна самых благоприятных, глубоких впечатлений.

Да, помимо кино, есть еще и жизнь. И хотя программа наша была до предела насыщена, мы не могли не видеть ее, жизнь Соединенных Штатов. Лично для меня это было первое посещение страны, и впечатления, конечно, самые разнообразные. Что поражает больше всего, как бы много раз об этом ни писали, — контраст нищеты и богатства. Уже после десяти часов вечера — а в это время американцам настойчиво не советуют выходить на улицу, даже портье в нью-йоркской гостинице предупреждал нас о непрекращающихся убийствах в соседнем парке — улицами владевают бездомные, бродяги, те, кому не нашлось места под долларовым солнцем.

Или, скажем, обилие уличных артистов. Нас оно поражаало. Там и тут стоят люди, которые исполняют что-то за жалкие гроши. В Бостоне я заметил одного актера. Несколько часов

Осенний марафон
с барьерами

АМЕРИКАНЦЫ ХОТЯТ БОЛЬШЕ ЗНАТЬ О ЖИЗНИ В СССР — ТАКОВЫ ВПЕЧАТЛЕНИЯ
СОВЕТСКОГО КИНЕМАТОГРАФИСТА ПОСЛЕ ПОЕЗДКИ В США

(а известно, как растет цена на билеты в премьерных кинотеатрах в США!). И, наконец, еще одна цифра — свыше 4 миллиардов посещений в год. Все это американцев прямо-таки потрясает.

Все мы, члены небольшой делегации советских кинематографистов — заместители председателя Госкино СССР М. Александров, актриса Валентина Теличкина и я, — не можем пожаловаться: принимали нас отменно, и встречи, и диспуты в университетах были любопытными, очень важными для всех нас. И если случались определенные сложности в нашей поездке — а о них, конечно, нельзя не упомянуть, — то исходили они от разного рода злобных антисоветских крутов, диссидентского отребья, которое, однако, не могу здесь не заметить, не столь уж процветает в этой «стране всеобщего благоденствия».

Вот один из главных и столь многочисленных вопросов, что задавали нам в газетах, на диспутах, на телевидении: как вы относитесь к тому, что в эти дни в США идут и так широко идут советские фильмы? Мы отвечали, что искренне рады этому, рады, потому что в СССР прокатываются американские фильмы, правда, их у нас в прокате гораздо больше, чем советских в Америке. Потому что именно в такое сложное время предельно необходимы простые человеческие контакты — а язык искусства понятен всем и каждому, для него нет границ и барьеров. Помню, я очень яростно спорил с одним корреспондентом. Мы говорили о соотношении американских и советских фильмов в прокате у нас и у них, о знании наших фильмов, соответственно у нас и у них. Он назвал мне, как обычно, «Балладу о солдате», «Летят журавли», «Москва слезам не верит», ну и, конечно, «Броненосец «Потемкин»». Это было все. Я припомнил только за последний год проката более десятка американских фильмов, идущих у нас, не говоря уж о выдающихся лентах последнего времени, которые мы знаем хотя бы по нашему Московскому фестивалю. Одним словом, я победил в споре, но это было и нетрудно, и можно было того ожидать, потому что, повторяю, не сравнить количество американских лент на советском экране (хотя, учтите, американские власти ставят нам немало преград при покупке, особенно новых картин, и цены на них поистине фантастические) и

да я читал «Однажды осенью» Горького и видел, ощущал, как меня слушают, как слушают русскую речь, русского автора, как хотят слышать! Как любят и понимают Чехова, Толстого, Достоевского! Вспоминается заявление на одном из диспутов: «Ваши фильмы глубоко эмоциональны, и это меня застало врасплох. Я понял, нам есть о чем поговорить».

«Советские фильмы — творческие», — писала одна американская газета. Другая вторила ей, что если бы советские художники жили по нормам Голливуда, они бы морально обанкротились. Много вопросов о советском кино, о тенденциях, о положении советских актеров, вопросов иногда наивных, а иногда и чисто провокационных, задавали нам. И порой было очень обидно слышать разную невежественную чепуху о положении дел у нас в стране. Но мы все отчетливо понимали, что здесь не вина, а беда большинства людей, они почти начисто лишены правдивой, обстоятельной информации об СССР. И мы старались в меру наших сил и возможностей рассеять этот туман лжи и недоверия. Так, например, почему-то спросили однажды о правах женщин-режиссеров у нас в кино. Кстати, в нашей программе было два фильма, поставленных женщинами, — «Карнавал» Татьяны Любушиной и «Василий и Василиса» Ирины Попалянской (знают там и Ларису Шепитько). И мы отвечали, что права у женщин в кино совершенно те же, что у мужчин. Есть даже фильмы, поставленные женщинами, которые пользуются успехом и признанием куда большим, чем фильмы, сделанные мужчинами (хотя бы «Семнадцать мгновений весны»), и авторам воздается по заслугам. Для США, в общем, это довольно сложная, болезненная проблема. Нас познакомили с одной женщиной, которая делала большую научную работу о нашей стране. Она проехала ее всю, от Москвы до Хабаровска, оставалась по несколько дней в Чите, Иркутске, Красноярске и была полна самых благоприятных, глубоких впечатлений.

Да, помимо кино, есть еще и жизнь. И хотя программа наша была до предела насыщена, мы не могли не видеть ее, жизнь Соединенных Штатов. Лично для меня это было первое посещение страны, и впечатления, конечно, самые разнообразные. Что поражает больше всего, как бы много раз об этом ни писали, — контраст нищеты и богатства. Уже после десяти часов вечера — а в это время американцам настойчиво не советуют выходить на улицу, даже портье в нью-йоркской гостинице предупреждал нас о непрекращающихся убийствах в соседнем парке — улицами владевают бездомные, бродяги, те, кому не нашлось места под долларовым солнцем.

Или, скажем, обилие уличных артистов. Нас оно поражаало. Там и тут стоят люди, которые исполняют что-то за жалкие гроши. В Бостоне я заметил одного актера. Несколько часов

Евгений МАТВЕЕВ,
народный артист СССР.
ВАШИНГТОН — МОСКВА.